

КРИЗИС ФИНАНСОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И УРОКИ ДЛЯ РОССИИ И СНГ

А.Н. Быков,

*доктор экономических наук, главный научный сотрудник
Института экономики Российской академии наук*

Поразивший мир небывалый по характеру и размаху в послевоенный период кризис, больно ударивший и по постсоциалистическим странам, неразрывно связан с развернувшимся процессом глобализации, особенно его финансовой составляющей. Именно она, стимулируя массовое перемещение по всему миру огромных потоков капитала и денежных средств в различных формах в поиске сверхприбылей, укрепляет взаимозависимость мировых финансовых рынков, сочетаемую с периодическими разрушительными кризисами регионального и глобального характера, неизбежными для нерегулируемой рыночной экономики.

В предыдущие эпохи развития капитализма финансы следовали за перемещением товаров, опосредуя их трансграничное перемещение. Сегодня же финансовая сфера стала по существу «вещью в себе и для себя», оторвавшись от материального производства и товарных обменов как в национальных, так и в глобальном масштабах. С международным обменом товарами и услугами непосредственно связано лишь 30% непомерно возросших глобальных денежных потоков, тогда как 70% обслуживают фактически саму финансовую сферу, обеспечивая сверхдоходы ТНК от глобализации, реализуемой по принципам Вашингтонского консенсуса, и превратив весь мир в гигантское финансовое казино.

Мировая финансовая система представляет собой наиболее неустойчивый сегмент мирового хозяйства, подверженный повышенной волатильности, выражающейся в изменениях валютных курсов и процентных ставок, доходности операций в зависимости от меняющейся конъюнктуры на различных рынках. Это, в свою очередь, вызывает массовый приток или отток средств с соответствующих рынков, а также периодические

финансовые кризисы локального, регионального и даже глобального характера. Именно так и получилось в настоящее время, когда спровоцированный ипотечным кризисом в США финансовый кризис стремительно распространился по всему миру, обрушив экономику.

Все это свидетельствует о том, что в условиях современного финансового капитализма трейдер-спекулянт, торгующий активами (прежде всего, инвестиционные и хедж-фонды), одержал верх над производителем [1]. Вся финансовая сфера представляет собой, с одной стороны, двигатель глобализации, а с другой – ее звено, которое на данном этапе оказалось наиболее уязвимым.

Послевоенная мировая финансовая система создана по инициативе США на Бреттонвудской экономической конференции 1944 г. На конференции, проходившей под влиянием кейнсианских идей, было принято решение об образовании Международного валютного фонда (МВФ) и Мирового банка. Созданная мировая финансовая система (из прежних держав-победителей в ней не участвовали лишь СССР и Китай) обеспечивала жесткую привязку валют стран-участниц к доллару США, ставшему основной резервной валютой, золотое содержание которой было установлено по довоенной цене. МВФ и Мировой банк, где ведущая роль принадлежала США, обеспечивали функционирование системы, следя за установленными валютными паритетами и содействуя их поддержанию. Кроме того, они оказывали помощь в восстановлении экономики и развитии мировой торговли и связанных с этим расчетах.

Положение стало кардинально меняться в 70-е годы. Тогда президент США Р. Никсон в результате возросшего торгового и платежного дефицита, огромных расходов на вьетнам-

скую войну и гонку вооружений сначала поднял цену золота, а затем вообще отказался от обмена доллара на золото. Это в 1975 г. было закреплено в уставе МВФ на конференции на Ямайке. Тем самым был положен конец твердым обменным курсам валют и обеспечен их перевод в режим свободного плавания. С тех пор восторжествовала система дерегулирования международных финансовых отношений и экономического развития в целом. При этом США де-факто сохранили за долларом положение главной резервной мировой валюты, в которой производятся расчеты по экспортно-импортным операциям, хранятся валютные резервы стран. В результате США позволяют себе пускать в мировой оборот столько долларов, сколько сочтут целесообразным, обеспечивая их стоимость своим авторитетом и могуществом.

Поскольку мировые валюты стали плавать, т. е. изменять произвольно свой курс, постольку увеличился риск валютных операций и потребовалось создание инструментов хеджирования. Автором этой инновации в 1972 г. стал чикагский юрист Л. Меламед. На реализации его идей специализировалась Чикагская товарная биржа, сформировавшая мировую центр сделок с фьючерсами. За ними последовали другие производные финансовые инструменты, наводнившие мировые финансовые рынки и оказавшиеся из-за слабого правового регулирования одной из причин их волатильности и разгула спекулятивных операций.

В том же Чикаго М. Фридмен и его ученики создали школу экономистов, не согласных с кейнсианской теорией и провозгласивших примат свободного рынка как наиболее благоприятного условия финансового и экономического роста. Американский президент Р. Рейган и английский премьер-министр М. Тэтчер в свое время поддержали эти идеи, провозгласив курс на неоконсервативный либерализм, сокращение государственного вмешательства в экономику, укрепление режима частной собственности. Такой курс привел к неоднозначным результатам, то стимулируя экономический бум, то обращая его в результате перенасыщения экономики и создания финансовых пузырей в стремительное ее падение.

Всемирная либерализация финансовых операций, сопровождаемая стремительным

расширением биржевых оборотов и спекуляций, смещением традиционного банковского кредитования в сферу секьюритизации, быстрым развитием инвестиционной деятельности на мировых рынках, многократным возрастанием оборота все новых производных финансовых инструментов (деривативов), периодически приводила к финансовым сбоям. Достаточно указать на так называемый Big Bang и стагфляцию 70–80-х годов или финансовые кризисы 90-х годов.

Хотя и в этот период видные ученые и специалисты выражали тревогу, в эффективность нового курса продолжали верить крупнейшие представители финансового мира, включая резко критикуемого сегодня руководителя Федеральной резервной системы США в 1987–2006 гг. А. Гринспэна. Признавая рискованность новых засманных операций, приносящих высокую прибыль, он, тем не менее, считал действенными применяемые механизмы распределения риска, пусть даже в ущерб экономической стабильности, особенно в глобальном измерении [2]. Открытие национальных экономик для движения капитала, которое признается неоллибералами важнейшей предпосылкой оптимизации его использования в глобальных масштабах, усиливает уязвимость национальной и всей мировой экономики. После относительно благополучного периода начала 90-х годов разразилась череда финансовых кризисов. От них пострадали многие страны, и прежде всего развивающиеся, уплатившие тяжелую дань активному вовлечению в процессы финансовой глобализации.

Наиболее крупными и тяжелыми из них стали мексиканский (1994), азиатский (1997–1998), российский (1998), бразильский (1999), турецкий (2000) и аргентинский (2001) кризисы, для которых характерна общая природа при национальной специфике. В основе каждого из них лежит сочетание ошибочной внутренней экономической политики и изъянов национальных финансовых систем с неуправляемостью и произвольностью международного движения капитала, особенно краткосрочного. Спекулятивный по природе, он способен под влиянием ожидаемой высокой доходности либо реальных или мнимых угроз как массово притекать на данный рынок, так и покидать его, обрекая на неминуемый спад.

Финансовые кризисы в странах с развивающимися рынками не приняли глобального характера и их удалось локализовать. В то же время сохраняется опасность трансформации локальных сбросов в глобальные катаклизмы, что продемонстрировал ипотечный кризис 2007 г. в США. Уверовав в свою исключительность, они долгое время жили в долг, покрывая огромный пассив торгового и платежного балансов за счет притока капитала извне от стран с избыточными золотовалютными резервами. Средства этих стран – КНР, Японии, нефтедобывающих, включая Россию, вкладывались в признанные надежными американские казначейские облигации, а также в частные долговые обязательства.

Аналитики выделяют ряд общих черт таких кризисов. Например, гарвардский профессор, бывший главный экономист МВФ К. Рогофф назвал следующие: наличие банков, использующих забалансовые займы для финансирования высокорискованных проектов, новые экзотические финансовые инструменты и опасный оптимизм в отношении новых рынков. В этой связи отмечался мощный приток долларов в США из ряда стран, в том числе с развивающимися рынками, позволяющий взвинчивать цены на активы и снижать процентные ставки, способствуя ослаблению стандартов регулирования, что и привело к кризису. Правда, важнейшие индикаторы – перегрев фондового рынка и рынка недвижимости, дефицит торгового баланса, рост государственного долга и задолженности домохозяйств, замедление экономического роста – давно уже служили сигналом тревоги [3].

Специфика американского кризиса – огромная задолженность, накопленная под влиянием низких процентов и игнорирования риска возврата ипотечных кредитов, переоформленная в ценные бумаги инвестиционных институтов, широко распространившихся по всему миру. Именно поэтому крах созданной пирамиды сильно ударил как по крупнейшим американским банкам и инвестиционным институтам, так и по их партнерам в других странах, придав кризису характер глобальной катастрофы, обрушившей фондовые биржи сначала в развитых странах, а затем и в странах с формирующимися рынками, которые поначалу рассматривались как «тихие гавани».

Американский кризис сказался, прежде всего, на ЕС, несмотря на то, что тот, критически относясь к англосаксонской модели неоконсервативного либерализма, пытался сохранить свою идентичность, подкрепив ее валютным союзом на основе евро. Достиг кризис и других мировых регионов, включая Китай и Россию, что продемонстрировало эффект финансовой глобализации. Неудивительно, что схожими в общих чертах оказались и меры антикризисного регулирования в отдельных странах. Наиболее показательным то, что в роли спасителя выступают государство и его бюджетные и другие ресурсы, а никак не «невидимая рука рынка», о которой быстро забыли.

Признавая источником нынешнего финансового кризиса обилие дешевых денег на американском фондовом рынке, либеральный лондонский журнал «Economist» предупреждает об опасности скороспелых выводов и решений, основанных на критике «рыночного фундаментализма», отказе от доллара как резервной валюты, преимуществ глобализации и свободных рынков. В то же время он признает необходимость глубокой трансформации финансовой системы с учетом очевидных пороков финансовой глобализации и всего миропорядка, а также меняющегося соотношения сил и теоретических подходов к решению глобальных проблем человечества [4].

Когда летом 2007 г. начался ипотечный кризис в США, никто не предполагал о его превращении в событие всемирного масштаба. Однако год спустя под его ударом содрогались и рушились фондовые биржи и финансовые институты практически всех стран, а связанные с ним убытки стали исчисляться триллионами долларов. Государственный долг США достиг 12 трлн долл., причем никто не знает, как и когда его удастся погасить, если только США, сохранив доллар как основную резервную валюту и свое казначейство как надежнейшее хранилище валютных резервов всех стран, не продолжат наводнять мир ассигнациями с изображением своих президентов.

Не удалось, как предполагалось ранее, ограничиться банковским или финансовым кризисом, который ударил по реальной экономике и социальной сфере, сопровождаясь массовым падением производства и торговли, закрытием и банкротством предприятий,

ростом безработицы и сокращением потребления как основного двигателя экономического развития. Неудивительно, что нынешний кризис стал все чаще сравниваться с мировым кризисом 1929 г. и признаваться наибольшим экономическим потрясением после Великой депрессии. Великобритания превзошла США по остроте ипотечного кризиса, Испания – по уровню безработицы, а Венгрия, Исландия, Латвия, наиболее пострадавшие в ЕС от кризиса, вызвавшего массовый протест, оказались на пороге дефолта.

Нарастающий размах бедствия вызвал принятие различных мер противодействия, прежде всего в Евросоюзе, тесно связанном с США экономически и политически. Наиболее мощная из стран ЕС Германия выделила 5 млрд евро на поддержку банков и еще 50 млрд – экономике в целом. Обеспокоенные поспешными и неkoordinированными антикризисными мерами отдельных стран, органы ЕС предприняли усилия по налаживанию их координации, пошли на снижение ставок рефинансирования для стимулирования экономического роста, игнорируя опасность инфляции и больше опасаясь труднопреодолимой дефляции, с которой целое десятилетие пришлось сражаться Японии.

Глобальная макроэкономическая ситуация сегодня во многом определяется за пределами богатого мира, там где находятся «свободные» деньги, поэтому именно к этим странам (прежде всего азиатским) и начинают обращаться за помощью в преодолении кризиса. Вместе с тем положение в странах с развивающимися рынками не однозначно. Некоторые из них уже испытывают замедление экономического роста от сокращения экспорта в развитые страны, другие страдают от падения цен на экспортируемые ими сырьевые товары. Ряд государств, прежде всего страны Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), накопили солидный дефицит платежных балансов, а их экономическое положение становится все более ненадежным и даже грозящим дефолтом.

В упоминавшемся обзоре журнала «Economist» справедливо выделяется Китай, который в случае дальнейшего ухудшения состояния мировой экономики будет, скорее всего, выступать в роли ее спасителя. Однако и его правительство, как свидетельствует жур-

нал, обеспокоенное замедлением экономического роста вследствие сокращающегося экспорта, снижает резервные требования для малых банков и ставку рефинансирования, принимает другие меры по поддержанию экономического роста и занятости. В этой связи МВФ с удовлетворением встретил выделение Китаем до 2010 г. 586 млрд долл. США на эти цели. Большая гибкость в регулировании валют позволит ему, по мнению редакции журнала «Economist», преодолеть нынешний кризис, а в долгосрочной перспективе уроки, почерпнутые из него странами с развивающимися рынками, помогут определить курс развития глобальной финансовой системы [4].

В условиях нарастания кризиса появилась необходимость репительных и скоординированных на глобальном и региональных уровнях мер по реформированию мировой финансовой системы. Это подтверждается как ее явными пороками, так и неспособностью действующих институтов выполнять возложенные на них функции с учетом интересов и возможностей всех стран и регионов, а не только ведущих держав во главе с США. Институты оказались не в состоянии предсказывать и предотвращать крупные кризисы послевоенного времени, а тем более предлагать и осуществлять эффективные меры по их разрешению с наименьшими потерями. В этой связи в мире заговорили о новой архитектуре мировых финансов, о возврате к системе твердых валютных курсов (Бреттон-Вудс-2) и даже возможной замене доллара на амеро для группы стран НАФТА, о появлении новых региональных и глобальных резервных валют.

После согласования на региональных и глобальном уровнях исходных позиций в ноябре 2008 г. в Вашингтоне проведена встреча руководителей стран шестини сколоченной «группы 20». Ее целью было обсуждение сложившейся ситуации в мировой экономике и финансах и выработка коллективных мер по нормализации положения в этих областях, затрагивающих судьбы всего человечества. На форуме большинство представителей внесли предложения, часто предварительно согласованные на региональных уровнях.

Так, ЕС представил с трудом согласованный общий для его членов подход, близкий в основном к позиции США, требующей боль-

шей прозрачности и регулируемости мировых рынков при сохранении их открытости и исключении эгоизма и безответственности Уолл-стрита. Однако и в рамках ЕС нет полной согласованности. Например, при общей ориентации на социальную рыночную экономику Великобритания придерживается англосаксонской традиции. В то же время континентальная Европа, где во второй половине 2008 г. председательствовал в ЕС президент Франции Н. Саркози, призвала пересмотреть всю действующую мировую финансовую систему и постепенно перейти к «регулируемому капитализму» [5].

Что касается США, которые сохраняют ведущие позиции в экономике и политике даже в условиях изменения соотношения сил на мировой арене и от которых прежде всего зависит и выход из кризиса, то от них ожидали новых идей и конкретных предложений по совершенствованию глобальной финансовой системы и обузданию глобального кризиса экономики и финансов. Однако США ограничились красивой декларацией о намерениях. Да они, видимо, и не могли сделать большего в период смены президентской команды, хотя Б. Обама выиграл выборы под лозунгом перемен, а после избрания признал финансовый кризис величайшим вызовом для США, обещая уделять первостепенное внимание борьбе с ним и подъему экономики, потребовав на это трехтриллионное финансирование. Окружение Б. Обамы и сам он отметили также его готовность к налаживанию отношений со всеми странами, включая Россию, хотя старый-новый состав его команды и вызывает сомнения в серьезном изменении традиционного курса страны.

В Послании Федеральному собранию Президент РФ отметил, что финансовый кризис, начавшийся на национальном рынке США, со временем приобрел глобальный характер. Это обуславливает необходимость создания механизмов, блокирующих ошибочные, эгоистические, а подчас просто опасные решения некоторых членов мирового сообщества. Надувая денежный «пузырь» для стимулирования собственного роста, власти США не только не потрудились скоординировать свои действия с другими участниками глобальных рынков, но и пренебрегли элементарным чувством меры. Новая финан-

совая архитектура, о необходимости которой говорится уже давно, должна, как подчеркнул Д. Медведев, обеспечивать интересы всех участников и при этом быть защищена от использования в интересах одной страны или группы стран, одной экономической системы, которая будет компенсировать свои грубые ошибки за счет других.

С аналогичной позицией выступила группа БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай) на совещании в Сан-Паулу, чей представитель – президент Бразилии – высказался за новую финансовую архитектуру без диктата «большой семерки» с широким участием всех стран, включая развивающиеся государства.

Вашингтонский форум «группы 20» позволил участникам представить и сопоставить свои позиции по важнейшим вопросам борьбы с глобальным кризисом и формирования новой архитектуры мировой финансовой системы. Однако скоординированных подходов в полной мере там достичь не удалось, все ограничилось общей декларацией о необходимости координировать антикризисные меры, повышении роли в этом международных институтов, неприемлемости протекционизма и обещаниями продолжить консультации на форуме в апреле 2009 г. в Лондоне. На этом форуме удалось при наличии разных подходов США и ЕС договориться о создании при МВФ общего фонда помощи развивающимся странам в 1,1 трлн долл. США, необходимости большей открытости и регулируемости финансовых рынков, включая и оффшоры.

Что же касается новой архитектуры мировой финансовой системы, а тем более замены доллара на новую резервную валюту, с предложением которой выступили Китай и Россия, реализовать все это будет не просто, так как у богатых стран, и прежде всего США, нет желания делиться с бедными своими выгодами, а у тех и других – идти на урезание своего суверенитета. Тем не менее надежд и заверений, что в результате переживаемой глобальной катастрофы родится новый справедливый миропорядок, с разных сторон предостаточно.

Что касается сегодняшнего положения мировой экономики и ближайших перспектив, то, согласно докладу МВФ, за последнее время ее рост резко снизился, во всем мире фи-

нансовый сектор продолжил сокращать кредитование, уровень потребительского доверия упал, ухудшились ожидания компаний, дешевле, чем предполагалось, стоит нефть. И, несмотря на меры поддержки экономики, предпринимаемые большинством стран, в 2009 г. объем мировой экономики сократится, по оценкам, на 1,3%.

Из развивающихся стран больше всех пострадают экспортеры сырья и страны, зависящие от внешнего финансирования, полагают эксперты МВФ, считающие наиболее пострадавшими из них страны СНГ без России, хотя и для нее МВФ прогнозирует спад экономики в 2009 г. на 6%. При этом ВВП Украины уменьшится еще больше, при том что МВФ и выделил ей заем в 16,4 млрд долл. США. Темп же роста экономики Китая может составить 8%, требуемых для социальной стабильности, поскольку удешевление сырья ему выгодно, а зависимость от иностранных займов благодаря гигантским резервам для него не критична.

Что будет после 2009 г., ни МВФ, ни никто другой точно не знает, но многие полагают, что кризис продолжится еще пару лет, если не дольше. За ним, вероятно, последует стагнация, переходящая в новое возрождение, причем не исключено – в рамках уже совершаемого левого поворота при регулирующей роли государства, ограничивающего стихию и эгоистичную конкуренцию современного праволиберального капитализма рейгано-тэтчерского типа.

Поначалу считалось, что кризис обойдет Россию стороной, сделав страну привлекательной для зарубежных инвесторов, наводнявших ее капиталом до середины 2008 г., учитывая ее повысившиеся инвестиционные рейтинги и солидные золотовалютные резервы. Однако, как и в 1998 г., чуда не произошло. Напуганные казусом с «Мечелом» и ТНК-ВР, а еще больше военным конфликтом в Грузии, совпавшими с нарастающим глобальным кризисом, иностранные инвесторы стали стремительно покидать российские фондовые рынки, устремившись к «родным пенатам», на треть повысился курс доллара, и эти рынки обрушились, причем вдвое сильнее, чем в других странах.

При этом активы российских миллиардеров «похудели» за год на 369 млрд долл. США,

а в очередном списке мировых миллиардеров, публикуемом журналом *Forbes*, российское присутствие уменьшилось на две трети, причем в печати даже заговорили, что у нас вообще олигархат как класс якобы исчез [6].

Наши олигархи и крупнейшие компании, увлеченные в предшествующие годы дешевыми зарубежными кредитами для расширения деятельности в стране и за границей, задолжали иностранным банкам гигантскую сумму – более 550 млрд долл. США. В связи с падением стоимости заложенных в их обеспечение активов наряду с очередными выплатами в погашение долгов и процентов по ним приходится вносить пополнение залога, что резко ухудшает положение заемщиков, особенно при невозможности в условиях кризиса получить за рубежом новые кредиты или отсрочку по старым. В результате либо банкротство, либо выкуп их «родным» государством за счет его резервов.

Все это усложнило финансовое положение на рынке, сократив общую ликвидность компаний и банков, их капитализацию и кредитоспособность, усилив недоверие между ними в части кредитования и погашения долгов. Парализовано нормальное развитие кредитно-расчетных отношений, сопровождаемое учащающимися случаями банкротства и закрытия банков и предприятий, сокращением их оборотов и занятости. Уменьшаются спрос и предложение товаров и услуг, этот процесс распространяется по цепочке от предприятия к предприятию, от отрасли к отрасли, негативно влияя на общую экономическую конъюнктуру в стране.

Руководство страны не могло не отреагировать на изменение ситуации, так как Россия уже активно и даже сверх меры включена в мировой товарооборот и валютно-финансовые отношения с зарубежными государствами. Ее бюджет наполовину и более определяется экспортом энергоносителей и другого сырья, резко подешевевших на мировом рынке за последнее время. Правительство РФ на сей раз действовало быстро и решительно, используя обычный для подобных случаев набор дорогостоящих средств, благо страна располагает накопленными в предыдущие «тучные годы» (прежде всего за счет сверхвысоких нефтяных цен) и еще не растраченными резервными и валютными

фондами, помогающими выжить в трудный период.

Другими словами, «выходы из кризиса есть, но они не будут бесплатными для страны», как считает вице-президент РАН академик А. Некищелов. За полтора месяца Центробанк истратил 36 млрд долл. США валютных резервов на интервенцию на валютном рынке с целью не допустить стремительного падения курса рубля. Это позволило избежать сильного удара по нашим компаниям и банкам, правда облегчив тем самым вывоз капитала из страны (он уже превышает 170 млрд долл. – А.Б.) и спекуляции с валютой. Правительство гарантировало банкам рефинансирование их валютных кредитов, «зарезервированы 75 млрд долл. на покупку государством обесценившихся активов, стоимость которых в будущем может возрасти», – отмечает А. Некищелов [7]. Важно, однако, чтобы эти и другие огромные траты из сократившихся уже более чем на треть госрезервов были использованы для поддержания экономики страны, а не на спасение просчитавшихся олигархов, и дошли до конечных получателей в материальном производстве, не оказавшись на фондовой бирже или за рубежом, что уже, к сожалению, происходит.

Кстати, о последнем напомнил и Д. Медведев в своем президентском послании, высказав уверенность в том, что страна сумеет справиться со всеми трудностями, связанными с кризисом. Уже в ближайшем будущем будет формироваться основа для создания в России одного из ведущих мировых финансовых центров как ядра самостоятельной и конкурентоспособной российской финансовой системы. Государство предпримет шаги по укреплению рубля как одной из валют международных расчетов (прежде всего за газ и нефть) с конечной целью превращения его в одну из региональных валют [8].

Разумеется, для всего этого нужны соответствующие предпосылки не только в стране, но и у ее важнейших торговых партнеров, их готовность и способность оплачивать в рублях свой импорт из России. Что касается превращения рубля в региональную и резервную валюту, то, в принципе, это возможно в рамках СНГ. Однако для этого Содружество должно стать действитель-

ным интеграционным объединением, в котором рубль мог бы стать важным расчетным инструментом.

В президентском послании присутствует оптимизм относительно продолжения взятого курса на модернизацию страны в рамках концепции развития до 2020 г. При этом ранее разработанные национальные программы и ориентиры на четыре «и» – институты, инвестиции, инфраструктура, инновации – следует дополнить пятым – интеллект. Подчеркнута важность обеспечения денежными средствами предприятий в таких отраслях, как сельское хозяйство, строительство, машиностроение и оборонно-промышленный комплекс, при приоритете производства (а в перспективе и экспорта) знаний, современных технологий и освоения новых ниш на мировом рынке для нашей конкурентоспособной продукции и соблюдения всех социальных гарантий.

Оптимизмом пронизана одобренная в целом Госдумой РФ правительственная антикризисная программа, хотя ее обсуждение и сопровождалось критикой за декларативность и недостаточную фундированность отдельных ее положений, а также игнорирование ряда насущных нужд, прежде всего в социальной и налоговой сферах. Отмечается также несогласованность в самом правительстве оценок перспектив развития кризиса и мер его преодоления, особенно того, что касается инфляции и связанных с ней недостаточности кредитования и неподъемности процентных ставок.

Между тем продолжающийся мировой кризис способен усилить негативное влияние на социально-экономическое развитие России, особенно с учетом сохраняющегося несовершенства структуры экономики и экспорта. В условиях неблагоприятной мировой конъюнктуры это может серьезно усложнить социально-экономическое и финансовое положение страны, заставить пересмотреть намеченные планы и принять неординарные меры для нормализации ситуации в государстве и его отдельных регионах, что уже и происходит при пересмотре отдельных статей текущего бюджета.

В связи с этим нельзя игнорировать целесообразность введения государственной монополии на стратегические для страны

внешнеторговые и финансовые операции, ограничив трансграничное перемещение спекулятивного капитала и оффшорные операции. Вполне своевременны будут введение налога на покупку предметов роскоши, отказ от «экзотической» плоской налоговой шкалы, а также компенсация за приобретенную в 90-е годы по дешевке государственность в ходе фальшивой приватизации (именно так поступила даже либеральная Англия после тэтчеровской приватизации), другие меры по рационализации и экономии расходования средств (бюджетных, резервных и др.). Не исключена и серьезная коррекция всей социально-экономической политики страны, что частично уже делается. Ссылки на новый социализм здесь беспредметны, поскольку сохраняющийся в экономической политике России неолиберализм изживает себя даже на традиционно либеральном Западе, доказав свою неэффективность в сложившейся глобальной ситуации.

Что касается внешнеэкономической политики России, то к четырем-пяти «и» надо бы добавить и интеграцию, как в узком, так и широком смысле. В первом случае следует уделить особое внимание возрождению интеграционного процесса на постсоветском пространстве, учитывая особую уязвимость стран СНГ от кризиса. Связанных с ним рисков и потерь можно избежать или уменьшать как раз на основе взаимовыгодного сотрудничества с Россией. При общей координации антикризисной политики наиболее значимые конкретные меры могут быть реализованы в рамках ЕврАзЭС, благо на февральском (2009 г.) саммите достигнута договоренность о создании общего фонда срочной помощи. Нечто подобное могло бы быть организовано и при участии ШОС с повышением удельного веса в нем финансово-экономической составляющей.

В широком плане дополнительное «и» (интеграция) означает усиление восточного вектора внешнеэкономической политики страны наряду с традиционным западным. Это связано с тем, что именно в Азии находятся сегодня основные центры роста и диверсификации торгово-экономического сотрудничества. Для нынешнего периода особенно значим тот факт, что весь мир, включая Запад, рассматривает Азию, и прежде

всего Китай, в роли главного спасителя от глобального кризиса. России же как евразийской державе грех не воспользоваться этим, взаимодействуя с Китаем и другими странами БРИК также при создании новой глобальной финансовой архитектуры.

Наконец, главное в новом «и» для России как мощного и богатого ресурсами государства в центре Евразии, расположенного на кратчайших сухопутных путях между Западом и Востоком, между старым атлантическим и новым тихоокеанским центрами силы, – широкая трансконтинентальная кооперация с вовлечением в нее всех зашторесованных стран и интеграционных группировок Востока и Запада (СНГ и его структуры, ШОС, ЕС, АТЭС, АСЕАН+3), а возможно, и НАФТА. Такая кооперация в рамках евразийской интеграции может формироваться при активной роли России как ее организатора и модератора, не становящейся при этом младшим партнером ни Запада, ни Китая, и начинаться с широкого использования для многомиллиардного товарооборота Европа – Дальний Восток кратчайших и в перспективе наиболее эффективных и безопасных транзитных путей – Транссиба, Севморпути, воздушных коридоров над Россией, а в дальнейшем и Шелкового пути, в сочетании с поэтапным развитием совместных производств по освоению природных и технологических ресурсов Сибири и СНГ.

Очень важно, что реализация трансконтинентальной кооперации даст толчок к возрождению умирающей интеграции в рамках СНГ, поскольку появится реальная перспектива для выгодного участия в ней всех или большинства стран Содружества, преодоления структурных барьеров для интеграции (разновеликость участников, однородность сырьевой ориентации производств и экспорта, слабость высокотехнологических отраслей, способных к кооперации), сохранения идентичности организации во главе с Россией. Без этого она не может стать по-настоящему великой в глобальном и даже региональном масштабах, о чем немало сказано, в том числе и нами [9].

Как свидетельствует практика, в условиях глобального кризиса страны и мировые блоки при всех торжественных заверениях на международных форумах о необходимости для его

преодоления консолидации мировых усилий (свидетельство тому – ход обсуждений на конференциях «двадцатки» в Вашингтоне и Лондоне) не стремятся отказываться от своих особых позиций и интересов. Они обеспокоены прежде всего своими «домашними» проблемами, идет ли речь о собственных моделях антикризисных мер или о конкретных протекционистских мерах, защищающих терпящие бедствие национальные экономики, отыскании новых мировых резервных валют перед лицом слабеющего доллара, вкладах в новый антикризисный пул и использовании его средств либо новой архитектуре мировой финансовой системы.

Так, США, стремящиеся при новом президенте наладить новые отношения со своими друзьями и недругами, хотя и не отказываются от традиционных позиций, будь то бойкот Кубы и Ирана, непризнание российских интересов на постсоветском пространстве, все-таки упоминают о возможности некоторого взаимовыгодного согласования спорных проблем.

ЕС, не разделяя с США неолиберальную модель антикризисных мер и стараясь укрепить свою противостоящую доллару коллективную валюту, явно захлебнувшись от своего расширения на восток, не готов поддержать приятие в НАТО, тем более в ЕС, новых членов с постсоветского пространства, несмотря на все заверения, что, в принципе, вход для них туда отнюдь не заказан, и подтверждая это новой программой Восточного партнерства.

Наконец, Китай, соревнуясь с США и Россией за освоение сырьевых ресурсов на постсоветском пространстве, прежде всего в Центральной Азии, в условиях кризиса, ограничившего его экспортную экспансию, вынужден больше ориентировать свои накопленные огромные золотовалютные ресурсы на решение острых внутренних социально-экономических проблем, что отнюдь не настраивает его, во всяком случае на время и вопреки американским усилиям, на осложнение дружеских отношений с соседней Россией, в том числе из-за конкуренции за ресурсы СНГ.

Все это в сумме не может не влиять отрицательно на настроение участников Содружества, в том числе и тех, кто горит желанием поскорее прильнуть к богатым и мощным

соседям, и прежде всего к ЕС и НАТО, видя в этом «спасение» от «злобного» северного соседа, «мечтающего» о восстановлении разрушенной империи, либо как минимум пытается интажировать в целях получения больших подачек от него или от обеих сторон, словом, действуя по принципу «не клади все яйца в одну корзину». Хотя щедрость подачек в условиях кризиса не может не стать более избирательной и дозированной.

Конечно, нельзя всю ситуацию в СНГ изображать в одном цвете, с каждым из его членов у России отношения имеют свою историю и свою специфику. Однако, проводя взвешенную и дифференцированную политику по отношению к своим историческим соседям, по существу братьям-партнерам, еще недавно входившим в единое государство, с единым пароднохозяйственным комплексом, общим культурно-духовным достоянием, Россия может и должна сделать существенный шаг к консолидации Содружества в общих спасительных и созидательных целях.

Что касается используемых для этого средств, то в зависимости от складывающихся конкретных обстоятельств они могут быть разные.

Для одних наиболее важными могут быть кредитные средства, которые Россией уже предоставляются с учетом еще сохраняющихся для этого возможностей, благо и в Лондоне Россия отказалась пока от выделения средств в фонд помощи по линии МВФ, ссылаясь на оказываемую помощь партнерам по СНГ.

В других случаях, например для Молдовы, главную роль играет содействие в сохранении суверенитета страны в связи с бунтом, поддержанным Румынией и теми в стране, кто через присоединение к ней надеется проникнуть в ЕС, а также в улаживании отношений с Приднестровьем. Для Азербайджана важно содействие в справедливом урегулировании карабахской проблемы и установлении миропорядка на беспокойном Кавказе параллельно с экономическим сотрудничеством, связанным с добычей, переработкой и транспортировкой энергоресурсов. С последним связаны отношения с Туркменией, а в Центральной Азии в целом – с рациональным использованием водных и энергоресурсов региона. Для Украины налаживание отношений и развитие взаимовыгодного сотрудничества с Рос-

сней весьма важны, однако его перспективы тесно связаны с очередными выборами. Армении особенно важна финансовая поддержка России.

Для Беларуси и Казахстана важно создание с РФ общего экономического пространства, позволяющего предоставить обеим странам одинаковый режим в России на взаимной основе, как, в принципе, уже предлагалось Н. Назарбаевым, что в случае успеха способно подтолкнуть подключение к такой модели и других членов СНГ.

Наконец, практически для всех стран СНГ необходима тесная координация антикризисной политики с перспективой последующего послекризисного взаимовыгодного и равноправного сотрудничества по всем возможным направлениям в обновленном мире, и прежде всего на евразийском пространстве, в рамках упомянутой выше широкой трансконтинентальной кооперации.

При всем том, что сотрудничество России со странами СНГ, видимо, и впредь будет развиваться прежде всего на двусторонней основе и в рамках субрегиональных объединений по интересам, среди которых наиболее перспективным представляется ЕврАзЭС, одновременно будет постепенно развиваться, преодолевая трудности и противодействия изнутри и извне, также многостороннее сотрудничество в рамках СНГ в важнейших сферах, представляющих общий интерес. Но для этого нужны соответствующие предпосылки, политическая и экономическая подготовленность к тому всего Содружества, правящих элит, прежде всего России. Его оптимальная реализация, как показывает опыт, возможна на основе взвешенной программы, исключая при этом и забегание вперед, и искусственное торможение, уже приводящее к застою в сотрудничестве, сопровождаемое дальнейшим ослаблением роли и авторитета Содружества, усилением недоверия к способности и желанию России служить в нем реальным объединительным центром.

Все это не может не вытеснять страну с того исторического пространства, на котором столетиями формировались и крепились российская государственность и закономерные интересы России, которые настойчиво оспариваются западными державами и более удачливыми соседями. Противодействие этому доступными средствами, и прежде всего убедительным доказательством на практике привлекательности преимуществ и взаимовыгодности равноправного сотрудничества в рамках СНГ, – важнейшая внешнеполитическая задача как сегодняшнего дня, так и на перспективу.

Словом, для сохранения и укрепления СНГ предстоит немалая созидательная работа, включая коррекцию его статуса и механизма функционирования, четкое определение содержания, очередности выполняемых им задач и функций, его промежуточных и конечных целей, в чем России закономерно принадлежит ведущая роль, которая пока выполняется ею недостаточно активно, конструктивно и целеустремленно. Как показано выше, переживаемый всеми странами Содружества глубокий кризис, при всех различиях предпосылок и подходов отдельных членов СНГ к его преодолению, создает предпосылки для перелома в выполнении Россией этой ее исторической роли.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Financial Times*. 2007. 18 June.
2. *Link by Link // Economist*. 2008. 18 Oct.
3. *Ведомости*. 2008. 8 февр.
4. *Special Report on the World Economy // Economist*. 2008. 11 Oct. P. 1–20.
5. *RBK daily*. 2008. 29 Sept.
6. *The Moscow Times*. 2009. 10 Apr. P. 1–2.
7. *Время дилетантов прошло // Россия*. 2008. 16 окт.
8. *Главная тема // Известия*. 2008. 6 нояб.
9. Быков А. Исторический шанс: евразийская интеграция // *Мир перемен*. 2006. № 1.

□□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□. □□□□□□□□.
□□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□.

Материал поступил 2.10.2009 г.

BSEU Belarus State Economic University. Library.
http://www.bseu.by elib@bseu.by